

Кабинет Ло Сина был погружен в глубокий полумрак: густые заросли дикого винограда почти полностью заслоняли все окна. Скучные лучи света пробивались сквозь листву и ложились пятнами на некогда пестрые фрески, придавая им поблекший, желтоватый и ветхий вид. Ло Син сжался в комок на шезлонге, застеленном новым бархатным покрывалом, прищурился и обеими руками в мертвой хватке вцепился в черное хрустальное ожерелье на груди, непрерывно дрожа. Он сильно постарел: его кожа поседела и покрылась серо-бурыми старческими пятнами, глазницы глубоко запали, под глазами залегли черные круги, а даже белки глаз отливали желтизной. Он тяжело болел — его непрерывно душил кашель, он задыхался, время от времени выплевывая мокроту, но жалел выплевывать ее, смачивал пересохшее горло и сглатывал обратно.

И тем не менее взгляд его оставался невероятно твердым. Он свирепо уставился на Вэй Юя, словно этот дюжий маг был свирепым голодным волком.

— Почему это именно ты? — Голос Ло Сина был хриплым, как горсть грубого песка. Он, казалось, очень хотел закричать, но у него совсем не оставалось на это сил. Каждое слово, слетавшее с его потрескавшихся губ, сильно дрожало, будто в глубине его горла застряла струна ятхи. — Должно быть, все умники в Сихай Мэйлине вымерли, раз они прислали сюда такого бесстыдника, торгующего предсказаниями! Финальное предсказание Пророка? Нет, ты заслуживаешь лишь плевков и брани!

Вэй Юй, похоже, был готов к надменности и ненависти Ло Сина, а потому ничуть не растерялся и не смутился. В его голове и без того царил полный кавардак: Вэй Юй посреди дня тайком приложился к полупустой фляжке паршивой медовухи и всю дорогу клевал носом, а в конце концов и вовсе завалился на повозку и захрапел! Если бы не Цуйсцань, которая его вовремя остановила, Вэй Юй давно бы превратил пьянчугу в крысу и бросил в Лесу Черных Воронов. Хуже того, стоило им добраться до Города Оракула, как этот наглец чудесным образом протрезвел и теперь горланил на каждом шагу, требуя выпивки. Какая досада! Еще больше раздражала Цуйсцань: она вела себя как только что вылупившийся цыпленок, поднимая крик из-за любой мелочи. Стоило ей завидеть охотящихся на берегу рыболодей на болотах или белошерстных людей-овец у Горы Горна, как она тут же принималась махать руками и орать во всю мочь, воображая себя великой королевой. Конечно, слуги Ло Сина тоже оказались на редкость противными: едва завидев чужаков, они тут же принялись болтать без умолку и допрашивать их с пристрастием, начисто проигнорировав магическую печать Вэй Юя, будто он был каким-то жуликом. Хуже всего было то, что какой-то разиня-виночерпий споткнулся о длинные портьеры в коридоре и грохнулся на пол, расплескав вино и залив его новенькую парадную робу высшего мага!

Впрочем, хвала небесам, благодаря святости и сокровенности так называемого пророчества Пророка, слуги Ло Сина увели Цуйсцань в главный зал Оракула — осматривать хрустальный саркофаг в Святилище. Вряд ли что-то могло расстроить Цуйсцань сильнее, чем созерцание высохшего трупа. При одной этой мысли Вэй Юй невольно проникся глубочайшим уважением к пророкам Зала Оракула: решение сохранить останки первого Пророка было поистине гениальным!

Однако толстокожесть Вэй Юя не оставляла Ло Сину никакого выбора. У него пересохло во рту, и на ругань уже не оставалось сил: непутевый Син Е перепутал лекарства, смешав сок кровавого чертополоха с соком милетии сетчатой, да так некстати, что выпил почти

полбутылки, прежде чем спохватился. Эта ошибка была смертельной: Ло Син живо представил себе, в каком нелепом виде он окоченеет на этом шезлонге — с глазами, выкатившимися налитые кровью медные шары, и разинутым ртом, в который запросто поместилось бы вареное куриное яйцо.

— Счастливого Син Е, надеюсь, твоя удача никогда не иссякнет. — Ло Син не стал бранить перепуганного до смерти паренька, а вместо этого снял с пальца кольцо и вложил ему в ладонь. — Немедленно уходи из Города Оракула, покинь Остров Святилища, уходи как можно дальше. Каких бы мер я ни принял, тебе не миновать капканов, расставленных теми, кто преследует собственные цели. Хочешь выжить — убирайся. Надень мое кольцо и что бы ни случилось, не снимай его. Отныне верь своему внутреннему голосу. И ни за что не колеблись.

По сравнению с кротким и жалким, точно у кролика, взглядом Син Е, этот заносчивый маг напоминал свирепого и жадного леопарда. Ничтожно сумняшеся, он принялся бесцеремонно рыться на покрытых пылью книжных полках Пророка. О небеса! Ключ Судьбы, Следы Времени... Почти все эти старинные фолианты были в твердых переплетах, которые от времени давно пожелтели и истрепались, потрепанные уголки обложек обнажали внутренние тонкие деревянные планки, а страницы внутри стали настолько хрупкими и желтыми, что стоило тронуть их хоть чуточку нежнее, как они тут же рассыпались бы в прах. Невежественный и надменный Вэй Юй совершенно не ценил их драгоценности: он швырял и перелистывал книги как попало, словно это был не стоящий и медного гроша хлам. Столь вопиющая грубость переполнила чашу терпения Ло Сина: вцепившись изо всех сил в бархатное покрывало, он снова сорвался на надрывный визг и принялся яростно ругаться.

Вэй Юй смертельно ненавидел любые старые, обветшалые и грязные вещи. Даже перед лицом всеобщего почитания Пророка Ло Сина он не скрывал своего отвращения к его дряхлому упрямству. Тяжко опустив книгу на пол, он поднял тучу мелкой пыли, презрительно покосился на Ло Сина, с легкой улыбкой пропустил мимо ушей его злые ругательства и с удовольствием устроился за письменным столом рядом с полкой. Низкий, потрепанный и невероятно уродливый стол из древесины дзиньмэнь был исцарапан бронзовыми подсвечниками, а на четырех его углах виднелись вмятины. Ленивые слуги даже не удосужились соскоблить застывшие капли воска. На столе не лежало ни единой книги — вместо этого он был заставлен кубками и бутылками всех мастей: здесь нашлись и лаймовый ликер из Города Снежной Грязи, и белое вино из Замок Шепота Ветра, и даже ежевичное вино из Города Туманного Дождя, словом — чего тут только не было. Если бы не завалившийся посреди бутылок потрепанный деревянный стакан для кистей, Вэй Юй и вовсе решил бы, что этот стол притащили из Таверны Странников на развилке у Леса Черных Воронов.

Вэй Юй беззаботно болтал ногами и, подхватив фиолетовый прозрачный бокал, налил себе чуть меньше половины ежевичного вина.

— Дорогой Ло Син, раз уж ты так умрен, я настоятельно советую тебе снизойти до меня и поведать это нелепое предсказание. Ведь скажешь ты или нет, я все равно унесу с собой весть о пророчестве. И ты должен понимать: истинное оно или ложное, цена ему одинакова. — Вэй Юй с победным видом осушил кисло-сладкую ежевичную настойку до дна, легонько качнул пустой кубок перед лицом Ло Сина и уставился на его иссохшие губы с тем же чувством, с каким скряга с нежностью созерцает свои сокровища. — Вместо того чтобы огорчать людей утратой пророческого дара у Пророка, когда те жалким образом путают иллюзорные кошмары

с божественными знаменами, тем самым уничтожая вековую высокую репутацию пророков, не лучше ли позволить миру обрушить весь гнев на алчность и бесстыдность такого мага, как я? Конечно, всё зависит только от тебя, мой милый Ло Син.

Ло Син снова зашелся в сухом кашле, из глаз у него брызнули слезы. Вэй Юй спрыгнул со стола и из лучших побуждений налил ему полбокала терпкого и слегка кисловатого вина, но старик, разумеется, и думать не хотел о том, чтобы принять его милость. Более того, он яростно выхватил бокал и со злостью швырнул его в голову Вэй Юю. Однако годы взяли свое, да к тому же тяжелая болезнь иссушила его тело: запястья старика были столь тонкими и слабыми, что жалкий кубок не пролетел и метра, как рухнул вниз, с громким звоном закрутился по полу у ног мага, и Вэй Юй тут же раздавил его вдребезги каблуком. То был искусно вырезанный кубок из аметиста, доставшийся из Города Ваньчжун, той самой всемирно известной столицы мастерства гномов. Он отличался такой изысканностью и роскошью, что даже не пытался скрывать свое природное высокомерие и благородство. Бедный кубок целых сорок лет верно служил Ло Сину... Всё самое прекрасное в этом мире хрупко вдвойне; и чем хрупче вещь, тем сильнее люди дорожат ею, не желая с ней расставаться.

Ло Син в отчаянии закрыл глаза, изо всех сил стараясь унять безудержный зуд в горле, и судорожно вцепился в бархатное покрывало на кресле.

— Древняя демоническая сущность вот-вот пробудится в крови их потомков. Самая невероятная принцесса Династии Тяньцун явится на свет в момент полного соединения трех лун и станет избранницей судьбы. — На этих словах Ло Син внезапно распахнул глаза и лукаво улыбнулся. — Принцесса Небесного Свода... да, та единственная принцесса. Тот, кому достанется Принцесса Небесного Свода, станет истинным владыкой Центрального Материка. Священное пламя светлых эльфов озарит всю темную ночь Центрального Материка.

— Принцесса Небесного Свода? — с усмешкой протянул Вэй Юй, полусидя на столе и неторопливо постукивая указательным пальцем по крышке из грушевого дерева. — Старый ты плут. Ты что, намеренно лжешь? Династия Тяньцун давно существует лишь на бумаге. Каждое из княжеств сильнее ее в военном отношении в разы. Неужели ты думаешь возродить империю силами одной лишь слабой девчонки? Принимаешь меня за дурака или слабоумного? Конечно, я знаю, что королевский род Тяньцун ведет свой род от светлых эльфов. Но даже если она унаследовала эльфийскую магию, неужели она способна смести весь материк великим колдовством? И остановить многотысячные армии всех государств? О нет, ты стар и тяжело болен. Ты наверняка бредишь в лихорадке, бедный старик! Взгляни на свой стол, заставленный бутылками! Взгляни на полки с источенными червями паршивыми книгами! Лжец! Ты никакой не Пророк. Проклятый совет, все как один сбехнулись, раз заставили меня тащиться сюда и слушать бред выжившего из ума старика!

— Я знаю причину твоего бешенства, маг. Ты думаешь, что это предсказание принадлежит тебе. Что будущее принадлежит тебе. И мир принадлежит тебе. — Ло Син внезапно открыл глаза, и его тусклые серо-желтые зрачки неожиданно вспыхнули пронзительным светом. — Да, ты уже заставил Золотого Святого Дракона выполнить твоё условие. Но, дорогой Вэй Юй, на мой взгляд, вечной славы в этом мире не бывает. Запомни же, мой дорогой Вэй Юй Чанье: сила пророка заключается в том, чтобы направлять и даже менять судьбу, а не просто выступать в роли посредственного вестника дурных вестей. Маг, ты сполна заплатишь за свою сегодняшнюю гордыню и невежество.

На мгновение Вэй Юй потерял счет времени. А дряхлый Ло Син наконец испустил последний вздох. Он безвольно завалился на новое бархатное покрывало, и с уголка его рта потекли густые желтые слюны. Мутные глаза потеряли всякий осмысленный блеск, и лишь черное хрустальное ожерелье на его шее продолжало чуть слышно покачиваться. Вэй Юй неторопливо подошел к окну и откинул густые заросли дикого винограда. За окном клонился к закату день, и бледно-желтые лучи заката покрыли комнату тонким слоем золотой фольги. На крыше напротив сидела одноглазая ворона и настороженно наблюдала за магом.

Это почему-то вызвало у Вэй Юя смутное раздражение. Разъяренный, он подхватил хрустальное ожерелье Ло Сина и со злостью швырнул его в окно. Глаз у птицы был всего один, но слепой она не была: испуганная ворона с карканьем взмыла в небо. Прочная золотая нить неожиданно лопнула, и россыпь черных бусин весело запрыгала по темно-коричневой черепице, после чего скатилась прямо на оживленный Проспект Оракула. Внезапный дождь из драгоценных камней привел прохожих в дикий восторг: каждый вытаращил глаза и принялся шарить по всем углам улицы в поисках наживы. Легкие деньги дарят надежду, но обнажают и острые клинки разбойников.

Вэй Юй с презрительной усмешкой покинул пропитанный запахом смерти кабинет Ло Сина. Проходя по мрачному длинному коридору, он нарочно бросил взгляд на портреты и краткие жизнеописания прошлых пророков.

Хитроумный Ло Син заблаговременно присмотрел для себя местечко в этой галерее. Окно в углу поворота заливало его портрет идеальным светом. Среди длинного ряда тусклых полотен этот выделялся особой яркостью и вызывающей красочностью. То была кисть Цзинь И Байлу. Масляные краски, замешанные на маковом масле с Длинного Острова Пальм и ореховом масле с Горы Орлиное Гнездо, а также полотно из льна с Равнины Древних Шипов — требовательные золотые руки Цзинь И никогда не прикасались к дешевой дряни. Этот надменный художник люто ненавидел всех выскочек, зарившихся на благородные фамилии и кровь. Всю свою жизнь он воспевал на холсте легендарные сказания предков императорского дома Тяньцюн. Юному Вэй Юю довелось однажды встретиться с этим знатным старым живописцем: тот был невысок и тучен, пальцы его были короткими и толстыми, но больше всего в память Вэй Юя врезался нос художника — красный, распухший, он сидел на жирном лице точь-в-точь как насосавшаяся крови пиявка.

Зато над портретом Ло Сина этот старик, полный предрассудков и желчи, потрудился на славу: Ло Син был изображен в игре мягких светотени и полутонов, контраст холодных и теплых тонов был выверен с безупречной точностью, отчего лицо его казалось добрым и одухотворенным, и в нем не осталось и следа той увядающей немочи, с которой он встретил смерть.

— Лжец! Даже посмертный портрет оставил людям такой фальшивый и лицемерный! — Вэй Юй Чанье мысленно выругался на уродливого старого обманщика. — Цзинь И тоже лжец от кончиков волос до пят! Все художники, что приукрашивают чужие лица — лжецы!

Но горше всего было то, что в то же самое время пророчество этого лжеца кружило в его голове черным вороном. Вэй Юй в отчаянии провел пальцами по черному хрусталу на груди изображенного на портрете человека, перевел взгляд на генеалогическое древо рода, в раме

висевшее рядом, и вдруг замер — его глаза мгновенно прояснились при виде крошечной строчки текста, бросившейся ему в глаза: Сюэ Цяо Тянькун!

— Проклятый старый плут! — Вэй Юй шумно выдохнул, чувствуя, как с плеч словно спал камень. — Бабкой этого старика была Сюэ Цяо Тянькун!

<http://bllate.org/book/21187/2145304>